

УДК 81'373

Гринеv-Гринеvич С.В.¹, Сорокина Э.А.²¹Белостокский университет, Польша²Московский государственный областной университет**ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ПОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА
(К 10-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ПОЯВЛЕНИЯ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ)**

Аннотация. Статья посвящена десятилетию появления новой науки – антропологической лингвистики. Рассмотрены предпосылки и краткая история её появления. Представлены основные постулаты, проблемы и перспективы дальнейшего развития этой области исследований. Доказывается правомерность изучения мышления человека в его историческом развитии от количества и качества лексики, существующей синхронно изучаемому периоду. Обосновывается «теория двух порядков» и результаты её применения в антропологической лингвистике. Кратко описаны основные достижения и новые направления антропологических исследований

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, когнитивное терминоведение, этапы эволюции человека, типы мышления, протослова, ремесленная терминология, языковая картина мира.

S. Grinev-Grinevich¹, E. Sorokina²¹Belostock University, Poland²Moscow State Regional University**LANGUAGE AS MEANS OF STUDING HUMAN COGNITIVE PROCESS
AND EVOLUTION (TO THE 10TH ANNIVERSARY OF ANTHROPOLOGICAL
LINGUISTICS AS A SEPARATE BRANCH OF SCIENCE)**

Abstract. This article is dedicated to the 10th Anniversary of emergence of a new science – anthropological linguistics. It contains pre-requisites and the short history of its emergence. Main postulates, problems and perspectives in further development are presented and discussed. It is proved that evolution of human mentality may be studied on the basis of volume and type of vocabulary used at various stages of human evolution. Hypothesis of hundredfold increase of vocabulary at every stage is formulated. The main achievements and newly established directions of research in the field of anthropological linguistics are also introduced.

Keywords: anthropological linguistics, cognitive terminology science, stages of human evolution, types of reasoning, proto-words, professional vocabulary, language picture of the world.

Существует только один путь реконструкции индоевропейской культуры, дающий надежду на достоверность – это язык.

(Дож. Мэллори и Д. Адамс [24, p. 106])

В наступившем году исполнилось 10 лет со дня объявления в «Белостокском манифесте» о появлении новой научной дисциплины – антропологической лингвистики. Эта новая наука ставит своей целью исследовать и реконструировать по языковым данным не только историю развития человеческого сознания и мышления, но и историю человеческой культуры, цивилизации. Десять лет – небольшой срок для науки, однако каждый год из прошедших лет открывал новые факты, подтверждающие и уточняющие первоначальные предположения. «Белостокский манифест» (созданный за одну ночь 28 июня) был подписан на международной конференции в конце июня 2004 г. ведущими европейскими терминоведами и языковедами. В их числе Херриберт Пихт, Владимир Моисеевич Лейчик, Сергей Викторович Гринев (Гриневич), Александра Николаевна Лаврова, Любовь Бесекирска, Ян Францишек Носович, Валентина Федоровна Новодранова, Патриция Томас, Татьяна Георгиевна Скопюк и др. В этом же году по материалам конференции вышел том статей – “Language and Culture”, связанных с новым направлением лингвистики.

В следующем 2005 г. – сначала небольшим тиражом (50 экз.) – вышел первый учебник по основам антропологической лингвистики, который разошёлся в течение недели и в том же году был переиздан. В нём определены предмет, цель и задачи, основные теоретические положения, направления и проблематика

новой науки, её место в кругу смежных наук, разработаны основные методы конкретных исследований. В учебнике впервые поставлен вопрос о возможности реконструкции эволюции сознания человека на основе лингвистических и, в первую очередь, лексических данных, и был установлен стадийный характер эволюции разума человека, а также указаны основные периоды этой эволюции (прото-человеческий, донаучный, протонаучный, научный).

Антропологическая лингвистика появилась на основе исторического терминоведения, которое сформировалось в конце XX в. Многочисленные исследования истории появления и развития ряда терминологий в различных языках показали, что, во-первых, «практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. В связи с этим появляется возможность на основе анализа изменений лексической системы определённой области знания получить довольно точное представление об особенностях и закономерностях развития теоретической мысли. Это также даёт возможность реконструировать исторические состояния и тенденции развития культуры» [5, с. 9]. Во-вторых, при исследовании развития терминологий наиболее древних областей знания был установлен факт поэтапного изменения характера их лексики. Начальный период формирования терминологий основывался на

общеупотребительной лексике. В дальнейшем терминологии развивались преимущественно на основе специальной лексики, известной только лицам данной профессии. Заключительный этап отличается преобладанием научных терминов. Этому делению соответствует принятая в истории науки периодизация с выделением донаучного, протонаучного (раннего, примитивно-научного) и научного периодов.

В связи с формированием когнитивного терминоведения, явившегося другой составляющей в становлении антропологической лингвистики, появилась проблема исследования роли терминологии в познании. Познание определяется как высшая форма отражения объективной действительности людьми, представляющая собой процесс формирования знаний, передаваемых от одного поколения к другому. Этот процесс начинается с появлением человека и сопутствует ему на протяжении всего существования его как биологического вида, являясь его определяющим признаком. Поэтому наиболее эффективным способом когнитивных исследований может быть диахронический анализ терминологий, которые могут быть представлены в виде семантических полей. Поскольку *познание* и *мышление*, основанные на использовании языка, являются отличительными особенностями человека как биологического вида, данное направление лингвистических исследований позволяет изучить особенности развития человека в последний период его эволюции (после становления кроманьонского человека). К основным постулатам антропологической лингвистики были отнесены следующие положения:

– исторические изменения харак-

тера познания отражаются в количественном росте и в качественных изменениях используемой лексики;

– качественные изменения словаря в ходе развития сознания от общеупотребительных слов к профессиональной лексике (прототерминам) и далее к терминам отражают ступенчатость познавательных психических процессов сознания человека от общих представлений к специальным представлениям и далее – к понятиям. Между донаучным и научным периодами развития мышления существует переходный этап (протонаучный период), который оперирует ещё не научными понятиями, но уже не общими, а специальными представлениями, наименования которых являются *прототерминами*;

– в ходе развития познания происходит смена исторических типов мышления. Наиболее древний, донаучный, *наивный тип мышления* использует бытовую лексику, основан на здравом смысле и оперирует бытовыми представлениями; *ремесленный тип мышления* также основан на здравом смысле, но оперирует специальными представлениями; современный, *научный тип мышления*, основан на методологии исследований и оперирует научными теориями и системами понятий. Это указывает на поэтапное развитие сознания человека и его эволюции;

– развитие лексики человека в ходе его эволюции характеризуется не только качественными изменениями, но и постоянным ростом объёма словаря. При этом в результате исследования развития старых терминологий установлены расплывчатость и синкретизм (нерасчленённость, характери-

зующая первоначальное, неразвитое состояние) значения наиболее древних слов, являющихся исходными в становлении терминологий;

– развитие познания, а вместе с тем сознания и материальной культуры человечества характеризуется уточнением, специализацией первоначально общих, синкретичных значений слов путём количественного увеличения лексики языков. В определённом смысле развитие цивилизации заключается в снятии синкретизма представлений и значения соответствующих слов;

– предполагается сходство образа мышления человека в различные исторические эпохи с мышлением современного ребёнка. Основные черты начального этапа мышления – наивного мышления у человечества (как они отражаются в древнейших пластах лексики) и у детей – совпадают: предельная широта и расплывчатость значений первых слов, отсутствие строгих научных классификаций. В определённой степени психическое развитие ребёнка сводится к развитию лексических систем, в которых с углублением знаний об окружающем мире и знакомством с новыми словами (увеличением словарного запаса) происходит постоянное уточнение значений уже известных слов и их тематической перегруппировкой. Аналогичные процессы замечены в развитии лексики человека в обозримые исторические отрезки времени. Поскольку умственное развитие каждого отдельного человека повторяет основные черты развития мышления человеческого общества, это даёт возможность понимания особенностей поведения человека в различные исторические периоды (особенно ранние) и определения

степени его умственного развития.

Применение принципа аналогии онтогенеза и филогенеза, т. е. повторения в развитии сознания каждого человека основных черт эволюции человечества, даёт возможность использовать существующую в психологии практику количественного определения степени развития сознания детей по их словарному запасу и применить этот метод для измерения развития сознания человека в давние исторические эпохи. Имеющиеся данные по развитию количественного состава лексики некоторых языков позволяют определить запас лексики в определённые исторические эпохи и сопоставить его с имеющимися в возрастной психологии данными о лексическом запасе среднестатистического человека в определённые периоды его взросления. При соответствии параметров лексических систем можно предположить аналогию мотивов поведения. В учебнике было отмечено явление стратификации ментальностей, т. е. сосуществования в поздние периоды эволюции людей с различным уровнем умственного развития, что представляет собой важную проблему психологии и социологии.

В начале следующего, 2006-го г. вышло третье издание учебника более широким тиражом (500 экз.), а в 2008 г. издательство «Академия» выпустило значительным тиражом (2500 экз.) четвёртое, дополненное издание с таблицей характеристик основных периодов эволюции человека [5]. Одновременно исследователями, работавшими в этом направлении, был подготовлен и опубликован ряд монографий по данной тематике: в 2007-ом и 2010-ом гг. – на русском языке, в 2009 г. вышла

в свет монография на польском языке [22], а в следующем, 2010-ом г. – на английском языке [25]. В то же время в Польше и в России развернулись диссертационные антропологические исследования. В 2005 г. были защищены первые 6 магистерских диссертаций по данной тематике (пять – в Польше, одна – в России), и в этом же году в России была защищена первая кандидатская диссертация по антропологической лингвистике, которая стала предметом гордости Нижнего Новгорода и включена в перечень его достопримечательностей [15]. В последующее время ежегодно защищалось свыше десятка магистерских диссертаций. В 2007 г. в Москве была защищена первая докторская диссертация, связывающая проблемы когнитивного терминоведения и антропологической лингвистики [13], а в 2011-ом – вторая, всецело посвящённая проблемам антропологической лингвистики [18]. В изданных публикациях обсуждались возникающие новые проблемы в связи с постоянным уточнением, расширением и углублением тематики новой науки. Увеличилось число учёных, разделяющих основные положения новой науки – к известным терминоведам, чьи подписи стоят под «Манифестом», добавились имена профессоров Э.А. Сорокиной (Москва, Россия), Л.Б. Ткачевой (Омск, Россия), А. Степонавичуса (Вильнюс, Литва), Я. Арабского и Я. Заневского (Катовице, Белосток, Польша), И. Бурлыки (Минск, Беларусь).

При этом каждый год уточнялись понятия новой науки и выявлялись её новые направления в исследовании. Оказалось, что многие основные понятия и характеристики имеют более сложный, комплексный характер, чем

казалось при первом рассмотрении, и нуждаются в дальнейшем анализе и уточнении. Так, хронологическая отнесённость этапов эволюции человека установлена приблизительно и подвержена колебаниям: начало эволюции человека рядом специалистов определено как 14 млн. лет назад; с другой стороны, более осторожные авторы датируют расхождение предков человека и человекообразных обезьян временем в 5 млн. лет назад; появление кроманьонцев, по мнению некоторых авторов, произошло 50 тыс. лет назад; энциклопедия *Британика* предлагает дату 90–100 тыс. лет, а в ряде последних публикаций она относится ко времени 130 тыс. лет назад.

В связи с возможностью количественного определения степени развития сознания человека в давние исторические эпохи по объёму словаря чрезвычайно важным стал вопрос об уточнении объёмов словаря в различные периоды эволюции человека.

С наибольшей уверенностью можно говорить о примерном числе лексем национальных языков **донаучного периода**, основываясь на данных об исторических словарях. Так, согласно авторитетной точке зрения академика Ф.П. Филина, протославянский язык, существовавший в VI–IX в.х н. э. (донаучный период), представлял собой ряд довольно независимых племенных языков, общий лексический фонд которых не превышал 21%, т. е. около 4,5 тысяч слов [16, с. 33–35]. Подобная ситуация была в древнеанглийском языке, представленном рядом независимых диалектов [21, с. 18–22]. К этому следует добавить представление в словарях древнеанглийского языка многочисленных вариантов слов от-

дельными статьями, что сводит число лексем этого периода в английском языке до 5–6 тысяч.

Для конца **протонаучного периода** (первая половина XVIII в.) показательны следующие данные: изданный в 1721 г. словарь Натаниэля Бейли (Nathaniel Bailey) *An Universal Etymological Dictionary* («Универсальный этимологический словарь») содержал около 40 тысяч слов с краткими толкованиями. В.М. Моисеев даёт описание изданий этого периода: «Словарь Бейли обладал несколькими достоинствами. Он продолжил тенденцию, наметившуюся в трудах его предшественника, известного лексикографа XVIII в. Джона Керси (John Kersey), словари которого ориентировались на рядового читателя и включали слова повседневной речи: Бейли так же, как и Керси, отразил в словнике общеупотребительные лексические единицы. Считается, что данный словарь, как и многие другие словари этого периода, послужил рабочей основой для шедевра английской лексикографии периода нормативности – *A Dictionary of the English Language*, словаря доктора Сэмюэля Джонсона (Samuel Johnson), вышедшего в 1755 г. под названием «The Dictionary of the English Language in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different signification by examples from the best writers», но известного просто как *The Dictionary of the English Language* <...> Один, пользуясь помощью только шести переписчиков, он (Джонсон) подготовил к изданию словарь объёмом 2,3 тысячи страниц, содержащий около 40 тысяч статей» [9, с. 15–16].

Крупнейший российский словарь конца XVIII в. – 6-томный *Словарь*

Академии Российской (1789–1794 гг.) содержал около 43 тысяч слов [2, с. 18]. С учётом довольно интенсивного научного и культурного развития России XVIII в., вынужденной догонять передовые страны Европы того времени, можно предположить, что в первой половине XVIII в. объём национального словаря был в 1,5–2 раза меньше.

Сложнее дело обстоит с определением объёма словаря исторического человека в конце **проточеловеческого периода**. Первоначально предполагалось, что к концу проточеловеческого периода (100 тыс. лет назад) объём активного словаря кроманьонца составлял 150–200 слов при наличии пассивного словаря объёмом 400–500 слов [5, с. 114], однако некоторые специалисты в области антропологии считают, что ранний человек (кроманьонец) имел довольно большой запас слов и словарь его мог содержать 10 тыс. слов: «Ещё сравнительно недавно считалось, что языки наименее развитых групп человечества обладают очень незначительным, едва ли в несколько сотен слов, лексическим запасом и совсем лишены общих понятий. Однако последующее изучение показало, что лексикон даже наиболее отставших в своём развитии племён, например, аборигенов Австралии, насчитывает не менее 10 тысяч слов, т. е. больше, чем содержится в карманном словаре любого европейского языка. Выяснилось также, что хотя эти языки действительно тяготеют к конкретным, детализированным единичным определениям, в них имеются и обобщающие понятия. Так, у аборигенов Австралии есть обозначения не только для различных пород деревьев, но и для дерева вообще; не только для различных видов рыб или

змей, но и для рыб и змей вообще. Однако таких видовых обозначений мало, они употребляются нечасто и, что особенно показательно, не идут дальше классификации среднего уровня. Есть обозначения для дерева, кустарника, травы, но нет обозначения для растения; есть обозначения для рыбы или змеи, но нет обозначения для животного» [11, с. 107].

В то же время в лингвистических публикациях указывается на то, что большинство современных языков австралийских аборигенов содержит несколько сотен слов, объём лексики самого многословного из них едва превышает одну тысячу слов. Дополнительным основанием для сомнения в значительности объёма словаря кроманьонца являются данные о размерах словаря некоторых социальных групп XX в. Ж. Вандриес утверждал, что неграмотному французскому крестьянину начала XX в. нужно для общения всего 300 слов, а проведённые в 1950-е годы И.Н. Гореловым исследования показали, что повседневный словарь неграмотного русского человека составляет не более 500 слов. Поэтому, учитывая ощутимую разницу в обыденных знаниях человека XX в. и исторического человека, жившего 100 тысяч лет назад, следует предполагать, что объём словаря последнего составлял несколько десятков лексических единиц, не превышая 40–50 слов.

Кроме того, маловероятно появление в это время пассивного словаря, хотя этому, казалось бы, противоречат данные словаря современных детей, у которых объём пассивного словаря в среднем в три раза больше активного словаря. В данном случае сопоставление со словарём ребёнка неправомер-

но, поскольку у современных детей пассивный словарь образуется из речи окружающих его взрослых людей, словарь которых намного больше, а у кроманьонцев разница между объёмами личного словаря соплеменников была крайне незначительна, чем и объясняется медленный рост объёма словаря в донаучный период.

Вместе с тем применение принципа аналогии онтогенеза и филогенеза даёт возможность подтвердить предположения о характере лексики кроманьонца, состоявшей из односложных *протослов*. Эта аналогия подтверждается и самим термином «прото-слово», употребляемым независимо друг от друга как специалистами по детской речи, так и исследователями наиболее древних языков для обозначения наиболее ранних лексических форм.

Протослова имели весьма широкое значение, что отчасти сохранилось и в донаучную эпоху вплоть до средних веков, что отмечается исследователями: «... подчеркнём исключительную полисемантичность языка средневекового человека. Все важнейшие термины его культуры многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл. Наглядным свидетельством такой многозначности языка средневековой культуры могут служить популярные в ту эпоху “этимологии” и “суммы”. Умение дать “многосмысленное толкование” одного и того же текста – неотъемлемое качество интеллектуала средних веков. Итак, для того чтобы понять “язык” данной конкретной отрасли человеческой деятельности в феодальном обществе, нужно знать язык его культуры, по отношению к которому этот специальный язык является подчинённым и не конституировавшим-

ся в замкнутую автономную систему. Все профессиональные, отраслевые “языки” постоянно переходят один в другой и значимы постольку, поскольку имеют смысл не только в пределах данного специализированного рода деятельности, но и за этими пределами. Собственно говоря, есть только один язык, одна всеобъемлющая знаковая система, всякий раз особым образом расшифровываемая в зависимости от той сферы человеческой деятельности, к которой она применяется. Не связано ли с этим универсальное господство латыни в средневековой Европе?» [6, с. 15]. Обращает на себя внимание тот факт, что при сравнении словарей проточеловеческого и донаучного периодов объём словаря увеличился примерно на два порядка (в сто раз) – около 40–50 протослов в конце проточеловеческого периода – и 4–5 тыс. слов в конце донаучного периода. Это привело к предположению, что в протонаучный период объём словаря мог составлять 400–500 тысяч слов.

Но при этом необходимо отметить, что академические словари XVIII в. были в десять раз меньше по объёму. Однако в исследованиях О.Н. Трубачева и других учёных было установлено появление ещё в донаучный период «ремесленных терминов», то есть прототерминов [14; 1; 12]. Таким образом, уже в конце донаучного периода словарь был неоднородным и состоял из двух слоёв – общеупотребительной лексики и ранних прототерминов (наименований специальных представлений). Позднее, в протонаучный период объём специальной лексики значительно превосходил объём общеупотребительного словаря и к концу периода достигал нескольких сот ты-

сяч слов.

В.Д. Бондалетов приводит следующие данные: «Насчитывают десятки тысяч профессий, и у каждой свой “язык”, точнее, лексическая система. Количество профессионализмов зависит от степени развитости и специализации соответствующего производства; так, только в отделочном цехе текстильного производства более 10 видов машин (*красильная, отбивная, стригальная* и др.); у немецких плотников отмечено 6 типов топоров, 5 – молотков, 10 – пил, 22 – рубанка; русские коневоды знают более 40 мастей лошади (вороная, соловая и др.), около 20 аллюров (*рысца, хлынь, иноходь* и др.)» [3, с. 70–71]. Часть такой специальной лексики попадала в академические словари. Так, в Словаре Академии Российской из 43 тыс. слов [8, с. 18] около 3030 слов принадлежало специальной лексике – лексике ремёсел (около 1150 слов) и ремесленным терминам – около 1900 слов [8, с. 90]. Следовательно, объём словаря развитых языков в конце протонаучного периода увеличился также на два порядка.

В **научный** период, в середине XX в., объём словаря с учётом специальной лексики – прототерминов, научной терминологии и номенклатурных наименований, – составлял уже около 40–50 млн. лексем, что также на два порядка больше, чем в предшествующий период. Замеченное соотношение объёмов словаря в различные эпохи развития сознания получило условное наименование «тенденция двух порядков».

Сопоставление характеристик установленных стадий развития сознания позволило сформулировать в 2007 году ещё одно предположение. Замече-

на тенденция к сокращению длительности последующих стадий развития сознания (10 млн. лет – 100 тысяч лет – 1,5 тысячи лет), в соответствии с которой научная стадия должна измеряться сотнями лет. Тогда можно предполагать, что незаметно для себя мы сейчас входим в новую стадию (условно говоря, **постнаучную**). Если при этом учесть тенденцию к возрастанию объёмов лексики на два порядка, что было достигнуто в середине XX в., то это предположение подтверждается и данными об объёме современного словаря. Объём специальной лексики в настоящее время составляет несколько сотен миллионов наименований: согласно *Википедии*, в биологии число известных видов превышает 100 миллионов, по данным *Инфотерма* (Международного центра информации по терминологии) 2013 г. количество производимых в настоящее время в мире изделий составляет около 200 млн. наименований; если к этому добавить терминологии других областей знания и прототерминологии, то, возможно, современный объём лексики в наиболее развитых языках может превышать триста миллионов наименований. При этом для последней (новой) стадии характерен новый вид специальных лексем – названия единичных понятий – *номены*, число которых в тысячи раз больше числа терминов.

Более сложным, по сравнению с определением словаря языка, является определение объёма словаря среднего человека. В наиболее ранний период этот объём практически совпал с объёмом языка, и единственной проблемой является установление объёма жизненно необходимых слов, из которых должен был состоять такой

словарь. Разница между словарным запасом наименее развитых и наиболее развитых членов племени, по видимому, не существовала или была незначительной; не было и различия между активным и пассивным словарём в силу отсутствия последнего. В течение донаучного периода отсутствие этой разницы было причиной медленного роста объёма словаря. Только в позднейшее время с развитием культуры рост индивидуального словаря наиболее развитых, грамотных людей значительно ускорился, и к появлению первых цивилизаций его объём мог составлять около одной тысячи слов. В связи с появлением письменности, по видимому, появилась и разница между образованным и необразованным человеком, а также между активным и пассивным словарём человека, и эта разница продолжала со временем увеличиваться.

В последующие периоды с появлением и развитием ремёсел, а затем – и наук, начинается расслоение общества, приводящее к сосуществованию людей с различными уровнями умственного развития и различными типами мышления. Вместе с тем появляется и постоянно растёт разница в объёме словаря индивида и нации. Сложность в установлении степени умственного развития человека в различные исторические периоды увеличивается с формированием ремесленного, а затем научного мышления, что требует определения активного и пассивного словаря людей двух, а затем трёх различных уровней развития и типов мышления.

Помимо активного и пассивного словаря, а также формирования различных терминологий, значимым понятием в данном контексте является

тип лексем. В последнее время появились основания предполагать, что каждому этапу эволюции мышления человека соответствует определённый тип лексических единиц: проточеловеческому – протослова, донаучному – обычные, общепотребительные слова, протонаучному – прототермины, научному – термины, постнаучному – номены. Вместе с тем замечено, что в каждый период начинают появляться лексемы, типичные для последующего этапа: в проточеловеческий период – первые слова, в донаучный период – прототермины (называемые О.Н. Трубачевым *ремесленными терминами* [14]), в протонаучный период – первые термины и терминологии, а в постнаучный период – первые системы номенов.

Поскольку в терминоведении установлено, что каждый тип лексем обозначает определённый тип единицы мышления, переход от одного типа лексем к другому способен отразить отношения между различными типами мышления. Конечно, эти различия не сводились только к типам мышления, а отражались и в эмоциях, и в поведении людей отдалённых эпох, что не всегда понимается современными исследователями. Как отмечает Ж. Дюби, «прежде историки не задумывались над тем, что психологические особенности людей далёких эпох существенно отличались от психологии современного человека, что чувства, эмоции, ценностные системы тоже имеют свою историю, и приписывали своим героям те желания и реакции, которые в аналогичных ситуациях проявили бы они сами» [7, с. 20].

Сходные мысли высказывает и отечественный историк средневеко-

вой культуры А.Я. Гуревич: «Понять культуру прошлого можно только при строго историческом подходе, только измеряя её соответствующей ей меркой. Единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи, не существует, ибо не существует человека, равного самому себе во все эти эпохи. Между тем именно убеждения, что человеческая природа, и в частности психология, представляет собой константу на протяжении всей истории, придерживались даже крупнейшие историки XVIII и XIX вв.. Исходным пунктом своих “Всемирно-исторических размышлений” Я. Буркхардт избрал человека, “каков он есть и каким он всегда был и должен быть”. В итоге современный западноевропейец подставлялся на место человека иных времён и культур» [6, с. 11].

Сравнительно недавно появилась возможность добавить в характеристику основных периодов эволюции мышления и сознания ещё один параметр – *отношение к используемому языку*, в первую очередь – *к словарю*.

Можно предположить, что в наиболее ранний период язык не был объектом рефлексии первобытного человека. В донаучный период слова наделяются магической силой и требуют осторожного отношения. В протонаучный античный период не мыслилась возможность сознательного изменения слов, вероятно имевших божественное происхождение. Можно было только предлагать наименования для новых вещей, как это делали античные философы, а в новое время также предлагать переводы латинских терминов на национальные языки. При этом первые прототермины по фор-

ме не отличались от общей лексики. В данный период слова только собираются и регистрируются в словарях. Лишь в научный период с разработкой теории терминоведения появляются методы упорядочения специальной лексики, однако терминологическая работа в основном сводилась к устранению явных недостатков терминов. И, наконец, в постнаучный период появляются возможности контролирования лексики и сознательного регулирования развития терминологий, что может стать центральным направлением в языковой корпусной политике и планировании.

Наряду с вышеуказанными параметрами нельзя не выделить связь с историческими типами культуры. Замечено соответствие между типами культуры и основными этапами эволюции:

– проточеловеческий период связан с культурой охоты и собирательства, характеризуемой случайным характером добычи;

– в донаучный период формируется ранняя сельская культура с переходом на осёдлый образ жизни и более стабильным существованием;

– в протонаучный период происходит становление цивилизации (городской культуры);

– научному периоду сопутствует индустриальная культура.

Есть основания предполагать, что в постнаучный период определяющей становится информационная культура.

Важный параметр характеристики этапов эволюции познания – предтечи антрополингвистики. Основные положения новой науки были сформулированы 10 лет назад. Однако возмож-

ность исследовать развитие культуры, мышления и в целом эволюции человека на основе истории развития лексики языка была замечена достаточно давно.

Ещё в XVII в. автор вышедшего в 1678 г. *Словаря средневековой латыни* («Glossarium ad scriptores mediae et infimae») Шарль дю Фресп дю Канж (Charle Du Fresne du Cange) обнаружил, что средневековая латынь отличалась от языка древних римлян. Он пришёл к выводу, что анализ новых слов, появившихся в средневековье, даёт возможность познать обычаи и повседневную жизнь этого периода [20, с. 11–12].

Отражение словарём уровня знаний было замечено в середине XIX в. и в России: в работе «Антропологический принцип в философии» Н.Г. Чернышевский пришёл к утверждению о том, что «... состав лексикона соответствует знаниям народа» [17].

В начале XX в. австрийский языковед Гуго Шухард положил начало направлению лингвистических исследований, получившему название «слова и вещи». Суть этого направления заключалась в необходимости комплексного изучения слова и обозначаемой им вещи в их развитии [10, с. 155–156], т. е. утверждалось, что история слов одновременно является историей культуры и их невозможно понять в отрыве друг от друга.

В начале 1930-х гг. немецкий лингвист Йост Трир впервые применил метод семантического поля к исследованию истории развития немецких слов, относящихся к понятию «разум». Применение этого метода стало весьма популярным, о чём свидетельствует перечень из 479 защищённых диссер-

тационных исследований, посвящённых истории развития слов и терминологий, и 110 работ, посвящённых семантическим полям [4, с. 293]. Во множестве публикаций, касающихся Й. Трира и метода семантических полей, включая монографии и лингвистические энциклопедии, содержится много критических замечаний к положениям теории Трира, но практически нет информации о существовании его анализа. В исследовании, проведённом Й. Триром и его учениками, сопоставляется состояние немецкой лексики семантического поля «ум, знания» в начале XIII и XIV вв.. Согласно Й. Триру, в начале XIII в. это поле включало три слова: *wisheit*, *kunst* и *list*. Первое из них означало 'знания, в первую очередь – религиозные', и имело наиболее общее значение, разновидностями которого были два других. Слово *kunst* имело значение 'рыцарские умения, придворные манеры', а *list* – 'обыденные умения, сноровка'.

Спустя сто лет это поле коренным образом изменилось, хотя его по-прежнему составляли три слова: слово *wisheit* сузило своё значение и стало означать только 'религиозное, мистическое знание'; слово *kunst* изменило своё значение и стало значить 'искусство'; а слово *list*, получившее негативные коннотации 'уловка, мошенничество' и 'применение чёрной магии', исчезло из употребления. Вместе с тем в поле появилось слово *wizzen* с общим значением 'знание', включавшим значения двух других слов. Таким образом, произошли резкие изменения в структуре поля и в значениях составляющих его слов, что указывало на начало кризиса феодальной системы, приведшего к разделу Германии на множество мел-

ких государств, и на снижение престижа религиозных знаний.

Исследование Й. Трира показало возможность использования данных об исторических изменениях словаря для исследования и реконструкции процесса развития культуры и мышления. К сожалению, этот наиболее значительный результат его работы не получил должного внимания, и последующие многочисленные диахронические исследования подобного рода носят преимущественно описательный характер без попыток осмысления и интерпретирования полученных фактов.

В начале 60-х гг. XX в. возможность использования данных об исторических изменениях лексики для изучения развития мышления заинтересовала учёных смежной науки – истории. В одном из первых программных сочинений по истории ментальностей виднейшего французского медиевиста Жоржа Дюби – статье «История ментальностей» автор отмечает: «История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные – например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача истории ментальностей – выявить вербальные констелляции, отражающие главные сочленения коллективного сознания. Необходимо рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов и выявить связь этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей» [7, с. 20].

С 80-х гг. XX в., когда одним из ведущих направлений лингвистических исследований стала когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в по-

знании, в ней выделилось несколько течений, одно из которых связано с исследованиями языковой картины мира. Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером под влиянием идей Й. Трира. Согласно *Википедии*, **языковая картина мира** – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира [19]. По Л. Вайсгерберу, языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка. Она способствует закреплению языкового и культурного своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка; существуя в своеобразном самосознании языковой общности, она передаётся последующим поколениям через мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка. Картина мира языка является его преобразующей силой, формирующей представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка. С одной стороны, она есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой – является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития [19]. С учётом близости теоретических воззрений Й. Трира и Л. Вайсгербера можно предполагать, что языковую картину мира последний представлял в виде совокупности семантических полей, то есть прежде

всего на лексическом уровне языка.

В исследованиях языковой картины мира, наиболее активно ведущихся с начала 80-х гг. прошлого в., достаточно большое внимание уделяется лексике, но при этом их недостатком является статичный аспект рассмотрения [23, с. 9, 25]. По-видимому, это вызвано высокой трудоёмкостью попытки диахронического исследования всей лексической картины мира выбранного языка или даже сопоставления ряда исторических синхронных срезов лексики языка.

Этот недостаток преодолевается другим направлением исследований – антрополингвистикой, при котором картина мира разбивается на фрагменты – семантические поля, исследуемые с учётом диахронии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аджишвили Ш.Д. Древнеанглийская ремесленная терминология: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 165 с.
2. Баскаков В.Н. Академия Российская // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 18–19.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
4. Гринев Гриневич С.В., Гринева В.П., Минкова Л.П., Скопюк Т.Г. Указатель терминологических диссертаций. Белосток, М., 2006. 750 с.
5. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антрополингвистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 128 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
7. Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост.

- Е.М. Михина. М.: РГГУ; Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 18–21.
8. Замкова В.В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремёсел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Ленинград: Наука, 1980. С. 90–101.
 9. Моисеев М.В. Лексикография английского языка: учебно-методическое пособие: для студентов специальностей 022900 «Перевод и переводоведение» и 022600 «Теория и методика преподавания иностранных языков». Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 92 с.
 10. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2008. 376 с.
 11. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.; ил.
 12. Сквайрс Е.Р. Ремесленная терминология в древней Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 158 с.
 13. Сорокина Э.А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения): дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 356 с.
 14. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 231 с.
 15. Фадеева Л.Ю. Антропологическое исследование явления реверсивности в специальном поле: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 230 с.
 16. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
 17. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. 1860 // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0430.shtml (дата обращения: 05.10.2014).
 18. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 346 с.
 19. Языковая картина мира // Википедия (Свободная энциклопедия). [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%F2%E8%ED%E0_%EC%E8%F0%E0 (дата обращения: 05.10.2014).
 20. Bartlett, Robert. *Panorama sredniowiecza*. Warszawa: Arkady, 2002. 336 s.: il.
 21. Fisiak, Jacek. *An Outline History of English. Volume One: External History*. Poznań: Kantor Wydawniczy SAWW, 2000. 174 p.
 22. Griniewicz, Sergiusz i in. *Antropolingwistyka (nova nauka XXI wieku) / Sergiusz Griniewicz, Jan Zaniewski, Tatiana Skopiuk, Elwira Sorokina*. Białystok: WSiFiZ, 2009. 130 p.
 23. Mackiewicz J. *Słowo o słowie. Potoczna wiedza o języku*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2002. 165 s.
 24. Mallory J.P. and Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 760 p.
 25. Zhadeyko, Marina. *Anthropolinguistic Aspect of English Polysemy / Marina Zhadeyko*. London: Lulu Enterprises, 2010. 98 p.